Сообщеніе о ходѣ работъ по изданію общаго сборника греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря.

Мм. Іг.

Между вещественными памятниками, сохранившимися въ нѣдрахъ земли въ тѣхъ мѣстностяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, гдѣ въ давно минувшіе вѣка процвѣтали эллинскія поселенія, безспорно первое мѣсто по важности для изученія разныхъ сторонъ жизни этихъ поселеній занимаютъ *памятники эпиграфическіе*. Громадное ихъ значеніе для историко-филологической науки сознано уже давно, хотя лишь въ нашемъ вѣкѣ на нихъ обращено вполнѣ серьезное вниманіе и ихъ изученіе поставлено на строго-научную почву. Пока сѣверное Черноморское побережье находилось подъ игомъ турецкой власти, объ археологическомъ его изученіи, понятно, не могло быть и рѣчи; но послѣ того, какъ оно вошло въ составъ Россійскаго государства и сдѣлалось доступно мирнымъ дѣятелямъ на поприщѣ той или другой науки, стали мало по малу открываться и археологическія сокровища, хранившіяся въ нѣдрахъ его земли. Еще въ концѣ прошлаго вѣка и въ самомъ началѣ нынѣшняго путешественники по южной Россіи, хотя и не будучи археологами-спеціалистами, обращали между прочимъ вниманіе и на эпиграфическіе памятники, списывали и издавали ихъ въ описаніяхъ своихъ путешествій или спеціальныхъ трудахъ. Наша наука можетъ съ признательностью вспомнить имена академика *Палласа*, *Вакселя*, *Клэрка*, г-жи *Гётри* и др. лицъ, которымъ она обязана обнародованіемъ первыхъ памятниковъ древняго искусства и письменности въ Новороссійскомъ краѣ и пробужденіемъ къ нимъ интереса. Наибольшее вниманіе въ этомъ отношеніи привлекали къ себѣ, само собою разумѣется, тѣ мѣстности этого края, въ которыхъ нѣкогда находились важнѣйшія изъ эллинскихъ поселеній: Тира, Ольвія, Херсонисъ Таврическій, Пантикапей, Фанагорія и др. Изученіе этихъ мѣстностей особенно оживилось въ 10-хъ и 20-хъ годахъ нашего вѣка, когда археологическими изслѣдованіями въ южной Россіи усердно и ревностно занимался цѣлый рядъ спеціалистовъ или просвѣщенныхъ любителей старины. Имена *Кёлера*, *Кеппена*, *Стемпковскаго*, *Бларамберга*, *Дебрюкса*, *Рауль-Ро-*

шетта, *Дюбуа-де-Монперё* останутся незабвенными въ лѣтописяхъ историко-археологическаго изученія сѣвернаго Черноморскаго побережья. Благодаря ихъ трудамъ, которымъ съ своей стороны много содѣйствовали просвѣщенные правители края, административные въ немъ дѣятели и владѣльцы мѣстностей, въ которыхъ нѣкогда находились эллинскія поселенія (припомнимъ имена князя *Воронцова*, графовъ *Безбородко* и *Потоцкихъ*), значительное количество эпиграфическихъ памятниковъ было открыто, списано и сдѣлано доступнымъ ученому міру въ разныхъ сочиненіяхъ, сборникахъ и повременныхъ изданіяхъ; въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ «Одесскій Вѣстникъ», съ самаго своего основанія гостепріимно открывавшій свои страницы изслѣдователямъ мѣстной старины для ознакомленія читающей публики съ археологическими новинками. Такимъ образомъ, когда знаменитый Августъ *Бёкъ* приступилъ къ собранію эпиграфическихъ памятниковъ Черноморья для своего капитальнаго труда (Corpus inscriptionum Graecarum), ихъ количество дошло уже до сотни (кромѣ надписей керамическихъ, которыхъ у Бёка очень немного сравнительно съ громадной ихъ массой, извѣстной въ настоящее время), да кромѣ того въ «Прибавленіяхъ» ко 2-му тому помѣщено до 40 надписей, сдѣлавшихся извѣстными издателю уже во время печатанія этого тома. Наибольшее количество памятниковъ доставили Ольвія и Воспорское царство, значительно меньшее—Херсонисъ; изъ Тиры и ея окрестностей въ собраніи Бёка есть только одна небольшая и плохо списанная надпись, заимствованная изъ сборника Вакселя. Вамъ извѣстны, Мм. Гг., многочисленныя и разностороннія достоинства классическаго труда Бёка, но не разъ, конечно, приходилось сожалѣть и объ одномъ изъ важныхъ его недостатковъ, именно о томъ, что самъ издатель не списывалъ вновь надписей—что впрочемъ было-бы и невозможно для одного человѣка,—а помѣщалъ въ своемъ трудѣ такія ихъ копіи, какія существовали въ прежнихъ изданіяхъ или были ему доставляемы его учениками и знакомыми; многія изъ нихъ, какъ оказывалось впослѣдствіи, были неполны или неудовлетворительны и тѣмъ давали иногда издателю поводъ къ толкованіямъ, оказывавшимся невѣрными; нерѣдко, впрочемъ, обширная эрудиція и критическій талантъ геніальнаго ученаго подсказывали ему такія объясненія и поправки, которыя впослѣдствіи совершенно оправдывались. Отъ указанныхъ недостатковъ не свободны и многія изъ помѣщенныхъ въ трудѣ Бёка копій надписей сѣвернаго Черноморскаго побережья. Между тѣмъ не прекращалась здѣсь археологическая дѣятельность, центромъ которой всегда была и остается Одесса. На смѣну прежнимъ заслуженнымъ дѣятелямъ выступали новые, съ свѣжими силами, обогащенные плодами трудовъ своихъ предшественниковъ и ведшіе эти труды все далѣе и далѣе. Въ 1839 г. было основано Одесское Общество Исторіи и Древностей, сконцентрировавшее дѣятельность мѣстныхъ археологовъ и историковъ и оказавшее неоцѣнимыя услуги въ дѣлѣ изученія древностей края. Вновь от-

крываемые то случайно, то при спеціальныхъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ эпиграфическіе памятники находили себѣ между членами Общества компетентныхъ толкователей, а въ его «Запискахъ»—удобное мѣсто изданія. Изъ 13-ти томовъ «Записокъ» нѣтъ, кажется, ни одного, который-бы не заключалъ въ себѣ бо́льшаго или меньшаго количества цѣнныхъ находокъ въ изданіяхъ и съ толкованіями членовъ Общества, изъ числа которыхъ наибольшее право на благодарность со стороны новыхъ научныхъ дѣятелей за свои труды и заслуги имѣютъ Н. Н. *Мурзакевичъ*, П. В. *Беккеръ*, Ф. К. *Брунъ*, Ѳ. А. *Струве* и въ особенности нынѣшній достоуважаемый Вице-президентъ Общества, профессоръ В. Н. *Юргевичъ*, который вотъ уже четверть вѣка не перестаетъ неутомимо знакомить всѣхъ интересующихся съ вновь открываемыми эпиграфическими сокровищами Черноморья. Памятники Воспорскаго царства, которыхъ сравнительно очень немного издано въ «Запискахъ», дѣлались извѣстными ученому міру другими путями. Въ 1848 г. бывшій Директоръ Керченскаго музея А. Б. *Ашикъ* издалъ свое «Воспорское царство», къ которому, при всѣхъ его недостаткахъ, до сихъ поръ приходится нерѣдко обращаться изслѣдователю, такъ какъ въ немъ отчасти перепечатаны изъ труда Бёка и другихъ изданій, отчасти вновь опубликованы многіе интересные эпиграфическіе документы. Въ 50-хъ годахъ почти всѣ бывшіе до того времени въ Керченскомъ музеѣ памятники были перевезены въ С.-Петербургскій Эрмитажъ и изданы хранителемъ его древностей, академикомъ Л. Э. *Стефани*, по своимъ новымъ копіямъ въ роскошномъ изданіи «Древностей Воспора Киммерійскаго». Въ это изданіе вошли между прочимъ и тѣ надписи, которыя были открыты покойнымъ П. М. *Леонтьевымъ* на мѣстѣ древней Танаиды (близъ нынѣшней Недвиговки) при раскопкахъ, произведенныхъ имъ тамъ въ 1853 г., благодаря, просвѣщенному содѣйствію тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Л. А. Перовскаго. Затѣмъ, съ открытія дѣйствій Императорской Археологической Коммиссіи, въ ея ежегодныхъ «Отчетахъ», начиная съ 1859 г. и до послѣдняго времени, вновь находимые Воспорскіе памятники постоянно издавались и объяснялись тѣмъ-же достопочтеннымъ Академикомъ. Но указанными сейчасъ трудами конечно не ограничивается число изданій, въ которыхъ можно найти эпиграфическіе памятники Черноморья: значительное количество ихъ разсѣяно по отдѣльнымъ ученымъ трудамъ (въ видѣ примѣра укажемъ на «Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря» графа А. С. *Уварова*), сборникамъ и періодическимъ изданіямъ какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, причемъ въ числѣ послѣднихъ есть такіе, которые лишь немногимъ доступны въ Россіи, особенно въ провинціи, какъ напр. Bullettino di corrispondenza archeologica Римскаго Археологическаго Института, сборникъ Константинопольскаго Филологическаго Общества (ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος), Ancient greek inscriptions in the British Museum Ньютона и т. п.

Изъ этого краткаго очерка Вы видите, Мм. Гг., что заниматься изученіемъ эпиграфическихъ памятниковъ сѣвернаго Черноморскаго побережья—дѣло чрезвычайно трудное: они разбросаны во множествѣ разноязычныхъ изданій, ознакомленіе съ которыми, особенно для лицъ, живущихъ внѣ большихъ умственныхъ центровъ съ хорошими спеціальными библіотеками, сопряжено съ огромными трудами, хлопотами и издержками, тѣмъ болѣе, что иногда надписи попадаются и въ такихъ трудахъ, въ которыхъ трудно было-бы и ожидать встрѣтить ихъ, такъ что необходимо быть хорошо оріентированнымъ въ историко-филологической литературѣ русской и иностранной и всегда стоять au courant ея; случается нерѣдко, что одна и та-же надпись издается нѣсколько разъ по разнымъ независимымъ одна отъ другой копіямъ и въ случаѣ ихъ разногласія изслѣдователь не знаетъ, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе [1]; далѣе многія изъ надписей, изданныхъ въ Россіи, за неимѣніемъ въ нашихъ типографіяхъ такъ называемыхъ эпиграфическихъ шрифтовъ, напечатаны обыкновенными печатными majusculis, не передающими формы буквъ, знаніе которыхъ весьма важно для опредѣленія (хотя-бы приблизительнаго) времени памятника, и вслѣдствіе этого время такихъ памятниковъ, въ которыхъ нѣтъ прочныхъ хронологическихъ данныхъ, часто опредѣляется невѣрно, а иногда изслѣдователь поставленъ и въ совершенную невозможность опредѣлить его; еще замѣтимъ, что не вполнѣ достаточное знакомство издателей того или другаго памятника со всѣмъ наличнымъ эпиграфическимъ матеріаломъ — впрочемъ и невозможное по его разбросанности—нерѣдко вызывало и вызываетъ невѣрныя или поверхностныя толкованія и такимъ образомъ приноситъ существенный вредъ. Всѣ эти обстоятельства очень тормозили прогрессъ изученія жизни эллинскихъ поселеній Черноморскаго края—такъ какъ надписи являются однимъ изъ важнѣйшихъ видовъ источниковъ для этого изученія—и вызвали давно уже сознанную настоятельную потребность собрать всѣ существующіе эпиграфическіе памятники сѣвернаго побережья Чернаго моря въ одномъ общемъ сборникѣ, который-бы могъ удовлетворять современнымъ научнымъ требованіямъ. Такую задачу взяло на себя Императорское Русское Археологическое Общество по предложенію одного изъ своихъ членовъ, *А. Я. Гаркави*. Въ концѣ 70-хъ годовъ оно поручило двумъ своимъ членамъ, профессорамъ *Н. В. Помяловскому* и *Ѳ. Ѳ. Соколову*, заняться собираніемъ матеріаловъ для такого изданія, и это дѣло было уже начато, когда въ 1882 г. Общество по предложенію Ѳ. Ѳ. Соколова удостоило меня приглашеніемъ принять на себя всѣ работы по изданію

---

[1]) Въ видѣ примѣра укажемъ на интересный Ольвійскій декретъ въ честь Карзоаза, который въ періодъ времени отъ 1876 по 1882 годъ былъ изданъ четыре раза (гг. Генценомъ, Юргевичемъ, Уссингомъ и Суручаномъ; по изданію Уссинга перепечатанъ еще во французскомъ журналѣ Revue de philologie) по разнымъ спискамъ.

предположеннаго имъ сборника, вмѣняя при этомъ въ обязанность вновь списать или по крайней мѣрѣ сличить изданныя копіи всѣхъ памятниковъ, какіе окажутся существующими по настоящее время и къ какимъ будетъ возможенъ доступъ. Послѣднее условіе, хотя конечно самое трудное, было положительно необходимо въ виду завѣдомой неудовлетворительности нѣкоторыхъ изъ существующихъ копій. Предложеніе Общества было настолько почетно для меня, въ немъ выразилось такое лестное мнѣніе о моихъ первыхъ трудахъ по греческой эпиграфикѣ, а съ другой стороны я самъ настолько былъ убѣжденъ въ настоятельной необходимости и научной важности подобнаго изданія, что счелъ себя не въ правѣ отказаться. Я ясно представлялъ себѣ всѣ трудности такой работы, боялся, что онѣ превысятъ мои слабыя силы, но въ то-же время чувствовалъ себя нѣсколько подготовленнымъ къ такому труду и теоретически и практически, такъ какъ во время двухлѣтняго пребыванія въ Элладѣ (1880—82) посвящалъ свое вниманіе преимущественно занятіямъ эпиграфическимъ; вслѣдствіе этого я считалъ для себя возможнымъ надѣяться, что при живомъ интересѣ къ дѣлу оправдаю хотя малую долю тѣхъ надеждъ, которыя возлагало на меня Общество, поручая мнѣ это изданіе. Вице предсѣдатель Общества, Г. Министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ соизволилъ по ходатайству Общества командировать меня на одинъ годъ въ южныя губерніи Россіи для работъ по списыванію и сличенію копій памятниковъ, хранящихся въ мѣстныхъ музеяхъ; такимъ образомъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію Его Высокопревосходительства къ предпріятію Общества, я имѣлъ возможность почти всецѣло посвятить этотъ годъ возложенному на меня труду, не будучи отвлекаемъ служебными занятіями. Коммиссія, составленная изъ членовъ Общества, И. В. Помяловскаго, Ѳ. Ѳ. Соколова и меня, выработала общій планъ изданія и такимъ образомъ заранѣе предначертала ходъ моихъ занятій.

По этому плану въ сборникъ должны войти всѣ древнія (до Византійскаго періода) греческія и латинскія надписи всего сѣвернаго побережья Чернаго моря отъ Дуная до Воспорскаго царства включительно. Надписи Кавказскія исключены изъ предположеннаго сборника, такъ какъ онѣ лишь недавно собраны воедино въ извѣстномъ трудѣ профессора И. В. Помяловскаго [1]; только надписи, найденныя въ Анапѣ, будутъ повторены въ будущемъ сборникѣ, какъ относящіяся къ Воспорскому царству. Далѣе, въ сборникъ не войдутъ легенды на монетахъ [2]) и такія надписи на вазахъ, которыя имѣютъ непосредственное

[1]) Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа, составленный для V Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. С.-Петербургъ 1881 г.

[2]) По нумизматикѣ эллинскихъ поселеній сѣвернаго Черноморья уже есть нѣсколько цѣнныхъ изданій. Еще недавно этотъ отдѣлъ науки обогатился прекраснымъ трудомъ *П. О. Бурачкова*, посвященнымъ нашему Съѣзду и носящимъ заглавіе: «Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ, существовавшимъ въ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи».

отношеніе къ сюжетамъ рисунковъ и поэтому не могутъ быть изданы отдѣльно отъ нихъ. Все изданіе предположено раздѣлить на три части, изъ которыхъ первая будетъ заключать въ себѣ лапидарные памятники Тиры, Ольвіи, Херсониса и другихъ мѣстностей отъ Дуная до Воспорскаго царства, вторая — исключительно памятники Воспорскаго царства, третья — надписи керамическія (т. е. на амфорахъ и ихъ ручкахъ, другихъ глиняныхъ сосудахъ, черепицахъ, кирпичахъ и пр.) и надписи на металлическихъ и др. вещахъ. При первой и второй частяхъ будутъ прибавлены въ appendices такія надписи изъ разныхъ областей извѣстнаго древняго міра, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ сѣверному Черноморскому побережью. За образецъ при обработкѣ матеріала приняты существующіе въ западной литературѣ новые труды подобнаго же содержанія — Corpus inscriptionum Atticarum и Corpus inscr. Latinarum: главное вниманіе должно быть обращено на точность копій, которыя въ печати должны быть переданы эпиграфическимъ шрифтомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей начертаній буквъ, насколько это возможно по типографскимъ условіямъ (нѣкоторые памятники, наиболѣе интересные въ палеографическомъ отношеніи, будутъ воспроизведены литографіей); тексты не вполнѣ сохранившихся памятниковъ при ихъ транскрипціи должны быть возстановлены по мѣрѣ возможности; при объясненіи памятниковъ слѣдуетъ ограничиваться краткимъ изложеніемъ существенно-необходимаго для ихъ пониманія (особенно желательно возможно точное опредѣленіе времени каждаго изъ нихъ), но не вдаваться въ подробности относительно болѣе общихъ вопросовъ, которые могутъ возникнуть по поводу того или другаго документа, но не имѣть ближайшаго, непосредственнаго отношенія къ ихъ объясненію.

Я началъ мои работы осенью 1882 г., само собою разумѣется, съ ознакомленія съ обширной литературой южно-русской эпиграфики и съ предварительныхъ изысканій (какія возможно было сдѣлать) относительно того, какіе памятники сохранились по настоящее время и гдѣ они дожны находиться. При этомъ не могу не упомянуть съ чувствомъ глубокой благодарности о значительной помощи, которую мнѣ оказали матеріалы, уже собранные И. В. Помяловскимъ и любезно предоставленные имъ въ мое распоряженіе. Въ началѣ 1883 г. я приступилъ къ работамъ по списыванію и сличенію самыхъ памятниковъ, начавъ съ хранящихся въ Петербургѣ въ Императорской публичной библіотекѣ, которой было подарено въ 1880 г. графинею Мусиною-Пушкиною нѣсколько Ольвійскихъ памятниковъ, находившихся до того времени въ имѣніи Стольномъ (въ томъ числѣ знаменитый декретъ въ честь Протогена). Затѣмъ списываніе Воспорскихъ, Херсонисскихъ, Танаидскихъ и Ольвійскихъ памятниковъ богатой коллекціи Эрмитажа дало мнѣ на $1^1/_2$ мѣсяца серьезную и усидчивую работу. Весною 1883 г. я предпринялъ поѣздку въ южныя губерніи Россіи. Первою рабочею станціею для меня былъ Харьковъ, гдѣ должны были, по свидѣтель-

ствамъ Кёппена и др., хранится 4 Ольвійскихъ надписи, подаренныя мѣстному университету графомъ Потоцкимъ еще во 2-мъ десятилѣтіи нынѣшняго вѣка; къ сожалѣнію, изъ нихъ оказалась уцѣлѣвшею только одна, правда наиболѣе интересная. Затѣмъ я работалъ въ Керчи надъ памятниками Воспорскаго царства, хранящимися въ мѣстномъ музеѣ, такъ называемомъ «Царскомъ курганѣ» и другихъ мѣстахъ; оттуда проѣхалъ на Таманскій полуостровъ, гдѣ списалъ нѣсколько надписей, открытыхъ при послѣднихъ раскопкахъ; при этомъ оказалось, что памятники, которые нѣкогда Клэркъ, Кёлеръ и др. видѣли вдѣланными въ стѣны старой Таманской церкви, теперь уже тамъ не находятся или покрыты штукатуркой [1]); во всякомъ случаѣ ихъ исчезновеніе должно было случиться уже давно, такъ какъ ни отъ мѣстнаго священника, ни отъ другихъ лицъ я не могъ добиться никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Выѣхавъ изъ Керчи, я останавливался въ Ѳеодосіи для работъ въ мѣстномъ музеѣ, затѣмъ въ Херсониссскомъ монастырѣ близь Севастополя списалъ памятники, найденные при послѣднихъ раскопкахъ, въ томъ числѣ надпись на пьедесталѣ статуи Діофанта, полководца Миѳрадата VI Евпатора, успѣвшую уже сдѣлаться знаменитою. Пріѣхавъ затѣмъ въ Одессу для работъ въ музеѣ Общества Исторіи и Древностей, я встрѣтилъ любезное сочувствіе и содѣйствіе со стороны вице-президента Общества *Н. Н. Мурзакевича* (нынѣ покойнаго) и секретаря (нынѣ Вице-президента) *В. Н. Юргевича*, благодаря которымъ имѣлъ возможность провѣрить или скопировать большинство эпиграфическихъ памятниковъ музея, не смотря на то, что по случаю постройки для него новаго зданія камни были перенесены въ садъ и отчасти въ подвалъ и сложены тамъ въ безпорядкѣ.

Эпиграфическіе документы музея Новороссійскаго университета предупредительно указаны мнѣ профессоромъ *Л. Ф. Воеводскимъ*. Не менѣе любезно подѣлились со мною своими эпиграфическими сокровищами, знаніями и указаніями владѣльцы замѣчательныхъ коллекцій древностей *И. К. Суручанъ* въ Кишиневѣ и *Пл. О. Бурачковъ* въ Херсонѣ. Великолѣпное и цѣнное собраніе Платона Осиповича въ то время уже составляло впрочемъ собственность Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ, благодаря щедротамъ Его Величества Государя Императора и стараніямъ достопочтеннаго Предсѣдателя нашего съѣзда, графа *А. С. Уварова*, который съ величайшею обязательностью открылъ мнѣ доступъ къ эпиграфическимъ памятникамъ музея, лишь только они были разставлены тамъ на мѣста и еще не были открыты для публики. Поѣздка въ Москву была предпринята мною, отдѣльно отъ путешествія

[1]) Я списалъ тамъ только двѣ христіанскія надгробныя надписи, изъ которыхъ одна вдѣлана снаружи въ сѣверную стѣну алтаря, другая служитъ ступенькою у южной боковой двери.

по южной Россіи, въ августѣ 1883 г. Обстоятельства не позволили мнѣ во время этого путешествія познакомиться съ коллекціею *И. И. Куриса*, хранившеюся въ его имѣніи, с. Покровскомъ; въ настоящее время эта коллекція принесена владѣльцемъ въ даръ музею Общества Исторіи и Древностей, и я воспользовался настоящимъ пребываніемъ въ Одессѣ, чтобы снять копіи съ ея памятниковъ, а также съ тѣхъ немногихъ надписей музея, которыя въ прошломъ году ускользнули отъ моего вниманія. Кромѣ того *Ю. А. Кулаковскій* имѣлъ любезность доставить мнѣ эстампажи съ нѣсколькихъ Ольвійскихъ памятниковъ, хранящихся въ музеѣ древностей Кіевскаго университета Св. Владиміра. Благодаря встрѣченному мною отовсюду сочувствію къ моей миссіи и обязательной готовности содѣйствовать ея успѣху [1]), научные результаты моихъ поѣздокъ, смѣю сказать, превзошли мои ожиданія: изъ числа извѣстныхъ мнѣ по разнымъ изданіямъ надписей Черноморскихъ приблизительно $^3/_4$ оказались существующими по настоящее время, и я буду имѣть удовольствіе привести ихъ въ моемъ сборникѣ по собственнымъ копіямъ, въ большинствѣ случаевъ болѣе полнымъ и точнымъ, такъ какъ—считаю себя въ правѣ подчеркнуть это—многія изъ печатныхъ копій памятниковъ, не исключая даже изданныхъ въ послѣдніе годы, оказались ниже уровня современныхъ требованій. Но кромѣ того въ моей записной книжкѣ оказалось значительное количество копій такихъ памятниковъ, которые впервые сдѣлаются извѣстными ученому міру въ моемъ будущемъ сборникѣ, и между ними есть документы, обширные по объему и далеко не безъинтересные со стороны сообщаемыхъ ими фактовъ изъ жизни эллинскихъ поселенцевъ Черноморскаго края. Насколько увеличилось количество эпиграфическихъ памятниковъ этого края со времени изданія 2-го тома Corporis inscriptionum Graecarum, можно судить по слѣдующимъ сопоставленіямъ: изъ Тиры и ея окрестностей у Бёка помѣщена *одна* надпись, въ моемъ сборникѣ ихъ будетъ 6; Ольвійскихъ у Бёка 46, у меня (съ мелкими обломками) — до 160; Херсонисскихъ Бёкъ далъ 7, мой сборникъ представитъ болѣе 50 и т. д. Еще значительнѣе приростъ надписей Воспорскаго царства, которыхъ Бёку было извѣстно всего 78 штукъ; сколько будетъ ихъ во второй части моего сборника, я пока не могу сказать даже съ приблизительною точностью, такъ какъ собранные мною матеріалы еще не приведены въ порядокъ и кромѣ того я надѣюсь ко времени окончанія обработки этихъ матеріаловъ получить еще и

---

[1]) Считаю своимъ долгомъ съ глубокою признательностью назвать имена еще слѣдующихъ лицъ, оказавшихъ мнѣ существенную помощь словомъ или дѣломъ: профессора *А. И. Кирпичникова* въ Харьковѣ, Директора Керченскаго музея (нынѣ уже покойнаго) *С. И. Веребрюсова* и его помощника (нынѣ Директора) *Ѳ. И. Гросса*, преподавателей *И. В. Фрейберга* въ Керчи, *О. Ф. Ретовскаго* въ Ѳеодосіи, *С. Ф. Орловскаго* въ Одессѣ, профессора *И. Д. Мансветова* и *В. И. Сизова* въ Москвѣ.

новые; полагаю, однако, что ихъ будетъ болѣе 400. Наконецъ надписи керамическія, которыхъ во 2-мъ томѣ Бёка помѣщено всего 25, теперь можно считать тысячами.

Закончивъ мои предварительныя, такъ сказать, черновыя работы, я съ сентября мѣсяца прошлаго (1883) года приступилъ, насколько мнѣ позволяли служебныя обязанности, къ окончательной обработкѣ и классификаціи надписей, предназначенныхъ въ первую часть сборника,—Тирасскихъ и Ольвійскихъ. Императорское Русское Археологическое Общество выразило съ своей стороны желаніе, чтобы часть моего труда могла появиться въ свѣтъ къ нынѣшнему Съѣзду. Я тѣмъ охотнѣе принялъ всѣ мѣры къ исполненію этого желанія, что оно совпало и съ моимъ собственнымъ, и такимъ образомъ къ февралю мѣсяцу нынѣшняго года работа подвинулась настолько, что оказалось возможнымъ приступить къ ея печатанію. Но тутъ случились два обстоятельства, которыя значительно ее затормозили и такимъ образомъ лишили Общество и меня удовольствія внести и нашу лепту въ оживленную научную дѣятельность, возникшую по поводу Съѣзда. Обстоятельства эти слѣдующія: 1) по первоначальному плану предполагалось издать сборникъ на русскомъ языкѣ въ силу § 66 устава Общества, по которому всѣ его изданія печатаются только по-русски. Однако въ виду того, что такое изданіе должно имѣть общенаучное значеніе и быть доступно не только отечественнымъ, но и иностраннымъ ученымъ, требованіе указаннаго § устава Общества не могло не казаться въ данномъ случаѣ стѣснительнымъ какъ многимъ изъ гг. членовъ Общества, такъ и мнѣ лично. Въ силу этого г. Секретарь Общества И. В. Помяловскій внесъ предложеніе издать сборникъ на общенаучномъ языкѣ латинскомъ; предложеніе встрѣтило полное сочувствіе и было утверждено въ общемъ собраніи Общества 16 марта нынѣшняго (1884) года. Вслѣдствіе этого мнѣ пришлось ту часть труда, которая была уже приготовлена къ печати на русскомъ языкѣ, перевести на латинскій, что̀, конечно, заставило отложить на нѣкоторое время начало его печатанія [1]). Второе обстоятельство, воспрепятствовавшее исполненію нашего желанія, выяснилось при ближайшемъ ознакомленіи съ наличными средствами типографіи Академіи Наукъ для печатанія труда, предпринятаго Обществомъ: оказалось, что эта единственная въ Петербургѣ типографія, имѣющая такъ называемый эпиграфическій шрифтъ и eo ipso единственная, въ которой могъ печататься нашъ сборникъ, не имѣла въ запасѣ многихъ формъ буквъ, встрѣчающихся на памятникахъ, и въ особенности лигатуръ, т. е. вязи изъ двухъ или

---

[1]) Для удобства лицъ, которыя, не будучи близко знакомы со стилемъ эпиграфическихъ документовъ, тѣмъ не менѣе могутъ по тѣмъ или другимъ причинамъ интересоваться ихъ содержаніемъ, рѣшено и въ латинскомъ изданіи удержать русскіе переводы большинства памятниковъ.

нѣсколькихъ буквъ; поэтому пришлось предварительно заказать вновь вырѣзать и отлить эти формы по даннымъ мною образцамъ, и исполненіе этого заказа также отняло не мало времени. Такимъ образомъ лишь съ начала іюня оказалось возможнымъ приступить къ систематическому продолженію печатанія, начатаго еще въ апрѣлѣ; но и послѣ того оно шло довольно медленно вслѣдствіе моего отсутствія изъ Петербурга (на пересылку каждой корректуры изъ типографіи въ мое лѣтнее мѣстопребываніе и обратно въ типографію требовалось не менѣе недѣли), такъ что вмѣсто цѣлаго перваго выпуска я, къ сожалѣнію, имѣю возможность представить благосклонному вниманію гг. членовъ Съѣзда только шесть пробныхъ и корректурныхъ листовъ, которые находятся на устроенной Распорядительнымъ Комитетомъ Съѣзда археологической выставкѣ. Въ нихъ помѣщены: а) шесть обломковъ латинской надписи изъ кол. Карталъ (№ 1); b) надписи изъ Тиры и ея окрестностей (№№ 2—7); c) начало перваго отдѣленія перваго класса надписей Ольвійскихъ, содержащаго въ себѣ *decreta senatus et populi* (№№ 8—17). Всею въ этомъ отдѣленіи будетъ помѣщено 38 документовъ, цѣлыхъ или въ обломкахъ. Во второмъ отдѣленіи займетъ мѣсто единственный въ своемъ родѣ памятникъ—*edictum septemvirum* о взиманіи пошлины въ священную казну съ жертвенныхъ животныхъ, а въ 3-мъ—три найденные въ Ольвіи декрета иностранныхъ государствъ (Византійцевъ, Тенедійцевъ и Косцевъ) въ честь Ольвіополитовъ.—Второй классъ составятъ *tituli dedicatorii*, III—*tituli honorarii*, IV—*catalogus civium*, V—*tituli memoriales et sepulcrales*, наконецъ въ VI классъ подъ названіемъ *varia* войдутъ тѣ надписи (въ большинствѣ случаевъ мелкіе обломки), которыя по своему содержанію не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ предыдущихъ классовъ или содержаніе которыхъ не можетъ быть точно опредѣлено. Въ каждомъ классѣ и отдѣленіи надписи размѣщены по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, а иногда, за невозможностью опредѣлить его, по какимъ-либо другимъ соображеніямъ. Такой же классификаціи въ общемъ я намѣренъ придерживаться и впослѣдствіи, при обработкѣ памятниковъ Херсонисскихъ и Воспорскихъ, но при этомъ само собою разумѣется, что она будетъ варіироваться сообразно съ ихъ содержаніемъ: съ одной стороны между существующими памятниками Воспора и Херсониса нѣкоторые изъ названныхъ классовъ не имѣютъ представителей, а съ другой — есть значительное количество памятниковъ, относящихся къ такимъ отдѣламъ, которыхъ нѣтъ въ Ольвіи. Такъ напр. между Херсонисскими надписями отсутствуютъ tituli dedicatorii, а въ числѣ Воспорскихъ весьма важные и интересные отдѣлы составятъ памятники царскіе и памятники религіозныхъ обществъ (θίασοι). Къ классификаціи надписей керамическихъ я еще не приступалъ, но въ общемъ, вѣроятно, придется придерживаться той, которая выработана для нихъ покойнымъ П. В. Беккеромъ.

Вы видѣли, Мм. Гг., что дѣло, возложенное на меня Археологическимъ

Обществомъ, весьма важно и весьма нелегко. Я, конечно, болѣе всякаго другаго заинтересованъ въ его успѣхѣ и потому употребляю и буду употреблять всѣ усилія, всю энергію для того, чтобы оправдать лестное довѣріе Общества, но боюсь, что эта задача превыситъ мои силы. Весьма вѣроятно, что въ моемъ сборникѣ не мало найдется промаховъ и недостатковъ, вслѣдствіе которыхъ онъ не удовлетворитъ требованіямъ даже снисходительной критики. Но тѣмъ не менѣе въ виду того количества матеріала, которое уже находится въ моемъ распоряженіи, въ виду множества новыхъ и интересныхъ научныхъ данныхъ, заключающихся въ документахъ, которые войдутъ въ составъ сборника, я позволяю себѣ надѣяться, что за нимъ будетъ признано извѣстное научное значеніе, и это признаніе со стороны компетентныхъ судей будетъ для меня лучшей наградой за мой трудъ. Я не буду здѣсь утомлять вашего благосклоннаго вниманія указаніемъ этихъ новыхъ данныхъ, такъ какъ даже самое краткое ихъ изложеніе заняло-бы не мало времени и такъ какъ я надѣюсь имѣть честь при другомъ случаѣ познакомить Васъ съ нѣкоторыми изъ этихъ данныхъ, именно съ относящимися къ государственнымъ древностямъ Херсониса, въ сдѣланномъ мною посильномъ опытѣ ихъ группировки [1]). Теперь скажу только, что въ памятникахъ, которые войдутъ въ составъ сборника, историкъ найдетъ не мало новыхъ и интересныхъ свѣдѣній, относящихся къ политической исторіи и государственному устройству эллинскихъ поселеній Черноморья, миѳологъ и изслѣдователь религіозныхъ древностей почерпнетъ свѣдѣнія о новыхъ культахъ божествъ, ихъ праздникахъ и обрядахъ, археологъ—новыя данныя для болѣе разносторонняго изученія общественнаго и частнаго быта поселенцевъ, филологъ ближе познакомится съ языкомъ, которымъ они говорили и излагали свои письменные документы, лингвистъ узнаетъ массу новыхъ негреческихъ именъ, которыя послужатъ ему, какъ уже служили прежде извѣстныя, матеріаломъ для изслѣдованій о происхожденіи и языкахъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ жить и съ которыми сталкиваться приходилось эллинскимъ поселенцамъ сѣвернаго побережья Евксинскаго Понта.

Въ заключеніе этого сообщенія позволю себѣ обратиться къ почтенному собранію съ одной покорнѣйшей просьбой. И. В. Помяловскій въ предисловіи къ своему сборнику Кавказскихъ надписей замѣтилъ между прочимъ—и въ справедливости этого замѣчанія мнѣ не разъ приходилось убѣждаться—, что такое дѣло, какое было уже прекрасно исполнено имъ по отношенію къ Кавказу и теперь поручено мнѣ по отношенію къ сѣверному Черноморью, представляетъ собою periculosae plenum opus aleae, что оно есть дѣло нѣсколькихъ

---

[1]) См. «Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсониса Таврическаго» въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за іюнь 1884 г., отд. классич. фил.

лицъ,—одинъ въ полѣ не воинъ. Я считаю себя въ правѣ сказать, что старался по возможности добросовѣстно и тщательно ознакомиться со всей литературой южно-русской эпиграфики, какую только могли предоставить въ мое распоряженiе Петербургскiя библiотеки; во время моихъ поѣздокъ я списалъ или сличилъ много памятниковъ, какъ уже изданныхъ, такъ и остающихся еще неизвѣстными, и встрѣтилъ при этомъ отовсюду полное сочувствiе къ своей миссiи и самую любезную готовность такъ или иначе содѣйствовать возможно лучшему осуществленiю ея задачъ. Но за всѣмъ тѣмъ — ultra posse nemo obligatur: очень можетъ быть, что тѣ или другiя болѣе рѣдкiя изданiя памятниковъ остались еще неизвѣстными мнѣ, такъ-же какъ и нѣкоторые подлинные памятники, въ особенности такiе, которые хранятся въ небольшихъ частныхъ коллекцiяхъ. Вотъ поэтому-то я и считаю своимъ долгомъ обратиться здѣсь ко всѣмъ заинтересованнымъ въ предпрiятiи Археологическаго Общества и желающимъ ему успѣха съ покорнѣйшею просьбою подѣлиться съ г. Секретаремъ Общества Н. В. Помяловскимъ или со мною какими кто можетъ указанiями или сообщенiями самыхъ копiй памятниковъ. Всякое сообщенiе или указанiе, которое будетъ содѣйствовать полнотѣ и тщательности предпринятаго Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ изданiя, дастъ своему автору полное право на живѣйшую признательность со стороны какъ настоящихъ, такъ и будущихъ дѣлателей на южно-русской археологической нивѣ.

В. Латышевъ.
